

DOI 10.32726/2411-3417-2022-3-81-97

УДК 323/324; 327; 94

Наталья Травкина, Владимир Васильев

Микроагрессия — формирующаяся матрица общественных отношений американского социума

Аннотация. Цивилизационное противостояние Востока и Запада, России и «коллективного Запада» и особенно конфронтация двух ядерных сверхдержав — России и США, побуждают взглянуть на это геополитическое размежевание под углом зрения его истоков и глубинных причин. В системе идеолого-политических координат российско-американского противоборства доминирует стереотипное представление, что оно имеет «верхушечную направленность», отражая острейший конфликт интересов правящих кругов двух стран. Широкие же слои населения не имеют четких и долгосрочных антиамериканских/ антироссийских убеждений и в целом в этой модели противостояния ценностные противоречия ослабевают вдоль оси «сверху вниз». Однако тектонические сдвиги в расово-этническом составе американского общества в последние 30–40 лет привели к появлению перманентной «взрывной» напряженности внутри США. На этом фоне российско-американское цивилизационное противостояние во все большей степени начинает строиться по модели «снизу вверх», в рамках которой «микроагрессивность» социальных групп и новых идейных течений становится важным фактором внешнеполитической агрессивности Вашингтона.

Ключевые слова: США, микроагрессия, расово-этнические сдвиги, культура ненависти, системный расизм, дискриминация, психологические стереотипы, внешнеполитическая агрессивность, русофобия.

Вдалеком 1970 г. достаточно известный к тому времени американский психиатр afroамериканского происхождения Ч. Пирс (1927–2016), который в 1969–1997 гг. занимал должность профессора психиатрии медицинского факультета Гарвардского университета, опубликовал небольшое эссе «Наступательные механизмы», которому суждено было стать краеугольным камнем в изучении феномена микроагрессии на протяжении последующих 50 с лишним лет.

Сведения об авторах: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривополитических исследований Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.

ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич — главный научный сотрудник Центра внутриэкономических исследований Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, vsvasiliev@mail.ru.

В тот период американская психиатрия концентрировала свое внимание на изучении защитных механизмов сохранения душевного и эмоционального благополучия личности от стрессов повседневной американской жизни, среди которых одно из первых мест занимали расово-этнические взаимоотношения белых и чернокожих американцев. 1960-е годы вошли в американскую историю как этап мощной борьбы афроамериканского населения за свои гражданские права, которые увенчались принятием основополагающего закона 1964 г. «О гражданских правах», запретившего в американском обществе дискриминацию по расово-этническим, половым, религиозным и ряду других признаков [The Civil Rights Act of 1964... p.1-2]. В сочетании с законом 1965 г. «О гарантии равных избирательных прав для всех расово-этнических групп американского населения» [The Voting Rights Act of 1965... p.1], а также объявленной в 1964 г. «войной с бедностью» это, казалось, более или менее успешно разрешало — по крайней мере, на уровне федерального законодательства — проблему расово-этнической дискриминации, которая преследовала американское общество на протяжении предыдущих 100 лет (со времен Гражданской войны 1861–1865 гг.).

1960-е годы в США нередко считаются «второй Гражданской войной», в ходе которой были убиты президент Дж. Кеннеди (в 1963 г.), его брат сенатор Р. Кеннеди и лидер правозащитного афроамериканского движения М. Кинг (оба в 1968 г.). После Гражданской войны XIX в., увенчавшейся 19 июня 1865 г. официальной отменой рабства, южане-расисты взяли исторический реванш, приняв в 1890-е годы в бывших рабовладельческих штатах сегрегационные законы по отношению к афроамериканскому населению, вошедшие в историю как «законы Джима Кроу». По сути, этот же синдром исторического расистского реванша начал воспроизводиться в 1970-е годы, на этот раз сместившись на уровень межличностных отношений, и общим символом этого реванша и стал термин «микроагрессия», получивший широкий резонанс в политической, социологической и психологической литературе.

Ч. Пирс с «медицинской» точностью диагностировал сегрегационную направленность и смысл микроагрессии, основанной «на чувстве превосходства, с которой одна группа людей продолжает ожесточать, унижать, оскорблять и подавлять чувство достоинства другой группы лиц. Чувство превосходства и обусловленное им презрительное и снисходительное отношение по отношению к любой группе этнического меньшинства настолько распространены в (американском. — *Н.Т., В.В.*) обществе, что это делает практически невозможными любые переговоры между черными и белыми без использования такой наступательной тактики» [Pierce Offensive Mechanisms... p.265].

Наступательная тактика представителей белого большинства по отношению к чернокожему меньшинству и получила название микроагрессии. Американский психиатр определил ее как модальность «расовых взаимодействий между черными и белыми, которые характеризуются постоянным унижением черных со стороны белых, совершаемым автоматическим, предсознательным или бессознательным образом» [Pierce Psychiatric problems... p. 515]. Одновременно Ч. Пирс сделал вывод, что «наступатель-

ные механизмы могут широко использоваться и во многих других сферах межличностных взаимоотношений» [Pierce Offensive Mechanisms... p. 265].

Вполне возможно, что теория микроагрессии как форма межрасовых отношений в американском обществе осталась бы модным, но преходящим поветрием 1970-х годов, какими в исторической перспективе, например, явились теория когнитивного диссонанса, парадигма рискованного сдвига и концепция социального обучения, оказавшиеся «изолированными друг от друга, поскольку исследовали небольшие ниши социального познания, эмоции и поведение без какой-либо связи с другими теориями или экспериментальными данными» [Faye, p. 517]. Однако процессы глобализации, особенно начиная с 1990-х годов, способствовали тому, что теория микроагрессии обрела черты господствующей парадигмы, объясняющей формирование матрицы базовых взаимоотношений в американском социуме в широком смысле этого слова.

«Микроагрессия» как форма родовых мук «цветной» Америки

С конца XX в. в США стала происходить стремительная «цветнизация» общества, выражающаяся прежде всего в ускоренном сокращении относительной доли белого населения. При этом за истекшие три десятилетия в абсолютном выражении численность белого населения почти не изменилась, стабильно составляя около 200 млн человек. Так, если в 1990 г. его доля составляла 75,6% общей численности населения, или около 188,1 млн человек, то в 2000 г. она уменьшилась до 69,1%, несмотря на увеличение в абсолютном выражении до 194,5 млн человек [Population by Race and Hispanic...]. Доля цветного населения США возросла более чем на 5% в относительном выражении и на 32,7 млн человек в абсолютном, в том числе латиноамериканцев стало больше почти на 13 млн человек, афроамериканцев — на 4,7 млн человек, азиатоамериканцев — почти на 3,5 млн человек [Population by Race and Hispanic...].

В XXI в. эти сдвиги стали происходить еще более быстрыми темпами. В 2010 г. доля белого населения, увеличившегося в абсолютном выражении до 197,0 млн человек, сократилась до 63,7%. В первом десятилетии самыми быстрыми темпами росла численность латиноамериканского населения, которое увеличилось в относительном выражении на 43%, или на 15,2 млн человек в абсолютном выражении. Численность афроамериканского населения возросла всего на 4,2 млн человек, поэтому в относительном выражении их доля в общей численности населения США практически не претерпела изменений, составив в 2000 и 2010 г., соответственно, 12,3% и 12,6%. Наконец, доля азиатоамериканцев в относительном выражении также выросла на рекордные 43,0%, хотя в абсолютном выражении она увеличилась всего на 4,4 млн человек. В целом же за первое десятилетие XXI в. численность цветного населения, включая представителей других расово-этнических групп, выросла на 28,2 млн человек [Humes, Jones, Ramirez, p. 4].

К концу второго десятилетия XXI в. можно было уже смело говорить о нарастающем почти катастрофическом уменьшении доли белого населения в общей числен-

ности американского населения: она уменьшилась по сравнению с 2010 г. на 5,9% и составила 57,8%; при этом общая численность белого населения осталась практически на уровне 2010 г. — 197,7 млн человек [National Population by Characteristics: 2020–2021]. Фактически США, по-видимому, уже прошли «точку невозврата» в превращении белого большинства в маргинализирующуюся группу американского общества.

Падение относительной доли белого населения происходило на фоне устойчивого роста абсолютной и относительной численности латиноамериканского населения. Согласно итогам переписи 2020 г., в США насчитывалось 61,9 млн латиноамериканцев, доля которых в общей численности населения достигла 18,7%. Соответствующие показатели на 1 июля 2020 г. для афроамериканского населения составили 41,7 млн человек, или 12,6% от общей численности американского населения. [Рассчитано по: National Population by Characteristics: 2020-2021. Annual Estimates...].

По всей видимости, на динамику численности белого населения в ближайшем будущем будет оказывать коронавирусная пандемия и ее медико-биологические последствия. Чрезвычайно показательно, что, согласно официальным данным, в период с 1 апреля 2020 г. по 1 июля 2021 г. нетто-численность населения США возросла на 444,5 тыс. человек, но этот прирост был достигнут в основном за счет роста латиноамериканского населения, которое увеличилось почти на 1,0 млн человек, в то время как белое население уменьшилось почти на 1,1 млн человек [National Population by Characteristics: 2020-2021. Components of Change. Estimates of the Components...]. Это единственная расово-этническая группа, вклад которой в изменение численности американского населения оказался со знаком минус.

Перепись населения 2020 г. показала, что манипуляции статистическими результатами становятся все более «микроагрессивными»: итоговые данные об абсолютном и относительном изменении расово-этнического состава населения США намеренно заносятся в технико-методологические разделы и, в отличие от переписей 1990, 2000 и 2010 г., не содержат сравнительных характеристик произошедших за 10 лет структурных сдвигов. Помимо этого, если ранее Бюро переписей США регулярно публиковало прогностические оценки о динамике демографических изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе, то начиная примерно с середины второго десятилетия текущего столетия публикации подобного рода стали носить фрагментарный и заметно «неакцентированный» характер. В частности, из последнего прогноза, появившегося в начале 2020 г., вытекает, что белое большинство перестанет быть таковым в США к 2060 г., когда его доля упадет до 44,3%. Особое внимание стоит обратить на то, что в течение предстоящих 40 лет даже абсолютная численность белого населения уменьшится почти на 20 млн и будет составлять не более 180 млн человек [Vespa, Armstrong, Medina, p. 7].

Это является важнейшим косвенным свидетельством того, что американское общество действительно переживает исторически беспрецедентный этап в своем развитии,

сопоставимый с периодом создания независимой Американской республики в середине 1770-х годов¹.

В условиях фундаментальной смены референтного «цвета» (или «цветовой гаммы») американской цивилизации происходит резкое обострение межрасовых и межэтнических отношений. Усиление позиций некогда ущемленных расово-этнических меньшинств, подвергавшихся постоянным микроагрессиям, объективно ведет к появлению настроений исторического реванша за столетия «унижений и оскорблений» афроамериканцев, коренных жителей Америки, латиноамериканцев, женщин, иммигрантов. Настроения исторического реванша трансформируются в смену базовой парадигмы расово-этнических взаимоотношений в американском обществе: расово-этнические меньшинства начинают брать на вооружение тактику микроагрессии во взаимоотношениях со стремительно теряющим общественные позиции белым большинством. Последнее все в большей степени становится объектом микроагрессии со стороны прежних расово-этнических меньшинств. Таким образом, в американском социуме возникает матрица микроагрессивной войны всех против всех.

Поскольку расово-этнические проблемы и восприятие цвета кожи затрагивают самоидентификацию практически каждого члена американского общества, вполне уместно проведение параллелей между знаменитой теорией английского философа Т. Гоббса «войны всех против всех» («*Bellum omnium contra omnes*») и микроагрессивной средой повседневной социальной жизни американцев. Эти исторические аналогии и сравнения в последнее время получают все большее распространение среди американских социологов и политологов. Вполне возможно, что первым теоретиком микроагрессивного поведения следует считать Т. Гоббса, который в своем сочинении «О гражданине» (1646 г.) указывал, что если рядовые граждане «собираются для развлечения и веселья, то здесь обычно всякий особенно доволен собой, если ему удастся вызвать смех присутствующих, что дает ему возможность (в соответствии с самой природой смешного) возвыситься в собственных глазах в контрасте с безобразием или слабостью другого. Даже если иной раз это носит совершенно невинный характер и не наносит обиды, все равно ясно, что удовольствие им доставляет не их общество, а собственная слава» [Гоббс, с. 286].

Современное прочтение этого пассажа Т. Гоббса с точки зрения обоснования им теории агрессивного взаимодействия членов социума сводится к тому, что «удовольствие от многих наших обычных социальных взаимодействий происходит за счет других

1 По мнению авторов данной статьи, проблема заметно сокращающейся, абсолютно и относительно, доли белого населения в американском обществе предопределила принятие Верховным судом США 24 июня 2022 г. далеко идущего решения о признании неконституционным права женщин на аборт. В постановлении Верховного суда указывается, что «Конституция не дает права на аборт. Решения по делу “Роу против Уэйда” и по делу “Фонд планирования семьи против Кейси” отменены, полномочия по регулированию абортотворчества возвращены народу и его избранным представителям» [Dobbs... р. 1]. Это решение Верховного суда также подпадает под квалификационные признаки правовой микроагрессии.

(особенно когда они не имеют возможности непосредственного общения с вами). И эта форма общения представляет собой своего рода *социальный клей* (курсив наш. — Н.Т., В.В.), порождающий социальные трения и напряженность. Намерение может заключаться не в том, чтобы причинить боль другим, — скорее мотивом является удовольствие (или смех), — но такая радость не является невинной, даже если она шутовская, потому что она унижает объект насмешек и создает потенциально опасные модели отношений в обществе» [Hobbs and Microaggressions]. Актуальность проведенной английским философом социальной диагностики общества, находящегося в состоянии перманентной войны всех против всех, подчеркивается и тем обстоятельством, что микроагрессивная среда превратилась в современных США в важнейший фактор социализации и воспроизводства новых поколений американцев.

Помимо этого, происходит очень сложный процесс семантического переформатирования и перекодирования многих некогда широко использовавшихся словосочетаний и терминов, которые являлись продуктами социально-экономических потрясений в процессе долгого эволюционного развития США, будь то Гражданская война в первой половине 1860-х годов XIX столетия или революционное десятилетие борьбы за гражданские права в 1960-е годы. Культура политкорректности и всеобщей толерантности, восторжествовавшая в США в последние 30 лет, только на первый взгляд породила атмосферу общенационального согласия. Потенциальная взрывоопасность микроагрессивных терминов и словосочетаний оказалась ничуть не меньше (с точки зрения нарушения социального мира и спокойствия), чем, например, призывы прошлых исторических эпох к «ниспровержению буржуазного социально-экономического строя, основанного на эксплуатации, репрессиях и полицейском произволе». Как указал в этой связи американский психолог С. Лилиенфелд, «все большее число американских ученых и исследователей утверждает, что в современной западной культуре предрассудки часто проявляют себя в более тонких формах по сравнению с тем, как это имело место несколько десятилетий назад. По мнению этих исследователей, предрассудки на самом деле не уменьшились — они просто приняли более завуалированную, но одновременно и более коварную форму. Подобного рода сокрытое перевоплощение прежних предрассудков получило несколько названий, каждое из которых несло свое специфическое значение и имело вполне определенную направленность» [Lilienfeld, p. 138].

Основные характеристики микроагрессивной среды американского социума

Стремительное внедрение микроагрессии во все сферы и поры американского общества объективно привело к тому, что с семантической точки зрения сам этот термин не только стал составной частью серьезных социально-психологических и политологических исследований, но и атрибутом культуры повседневного общения. Интересно, что, например, в 2015 г. термин «микроагрессия» стал наиболее часто употребляемым разговорным словом в англоязычном мире, используемым для описания различного рода бытовых ситуаций, особенно относящихся к характеристике расово-этнических конфликтов и отношений. [Brown]. По мере «горизонтальной (в обществе)» и «верти-

кальной (среди представителей академических дисциплин)» пролиферации термина «микроагрессия» усиливалось его многозначие как для узких кругов специалистов и исследователей, так и для широкой общественности, преимущественно американской. В этом плане термин «микроагрессия» постепенно терял строго академическое толкование, постепенно превращаясь в «новый символ, в оборот речи», который менял «общественную атмосферу». Это тонкое изменение «хорошо известной концепции отражает не только идущее полным ходом изменение атмосферы в американском обществе, но и является предвестником серьезной трансформации общественных отношений в будущем», обусловленной прежде всего изменениями в социокультурных и расово-этнических отношениях [Brown].

Несмотря на расширение круга исследований феномена микроагрессий в американском социуме, базовой сферой «классических» форм микроагрессии, как и в начале 1970-х годов, была и остается область расово-этнических отношений американского общества. В настоящее время эти отношения даже официально трактуются в Америке как отражающие всю палитру оттенков и нюансов системного расизма — борьба с ним является важнейшим внутривластным приоритетом демократической администрации Дж. Байдена [Fact Sheet: The Biden-Harris Administration...]. Согласно трактовке американских специалистов в области здравоохранения, расизм представляет собой «низведение цветных людей до низшего статуса и основанное на этом несправедливое к ним отношение и их подавление, исходя из не имеющих под собой оснований убеждений об их врожденной неполноценности» [Braveman, p. 171]. Вместе с тем современные американские исследователи указывают, что системный расизм является неотъемлемой цивилизационной характеристикой США на протяжении всей их 250-летней истории, и в этом плане «системный расизм настолько укоренился в американском обществе, что он нередко считается выражением естественного и безальтернативного порядка вещей» [Braveman, p. 172].

Выработанная десятилетиями и даже столетиями микроагрессивная составляющая системного расизма содержит девять основных базовых стереотипов восприятия белыми американцами их цветных сограждан [Williams, p. 5]. Согласно **первому стереотипу**, цветной американец не является подлинным американцем. Смысл этого стереотипа сводится к тому, что «цветные люди должны прислуживать белым и не иметь высокого социального статуса» [Sue, p. 276]. **Второй стереотип** состоит в том, что цветные люди имеют более низкий уровень интеллектуального развития по сравнению с белыми. Помимо очевидного смысла этого стереотипа, в ряде случаев его использование равносильно утверждению, что цветные люди с высоким интеллектом являются аномальными представителями данной этнической группы [Sue, p. 276]. **Третий стереотип** по форме является достаточно нейтральным и основан на восприятии цветных людей как не имеющих расово-этнических признаков. Однако в рамках системного расизма в этот стереотип вкладывается понятие, что цветной человек является частью человечества «без рода и племени», т. е. представителем деградировавшей ветви в цивилизационном развитии. **Четвертый стереотип**, наоборот, имеет прямо противоположную направленность и состоит в том, что цветной человек является «уголовным преступни-

ком», представляющим повышенную общественную опасность. Этот стереотип, по сути, является формой «психологической сегрегации» по отношению к представителям этнических меньшинств, которая создает вокруг них «полосу социального отчуждения», особенно в общественных местах. **Пятый стереотип** может быть охарактеризован как форма социальной мимикрии в межличностном общении, когда представитель белого большинства утверждает, что он (или она) не являются расистами, но только как отдельные физические лица. Подсознательный смысл использования этого стереотипа сводится к тому, что большая часть стереотипов системного расизма, стереотипов отношения белого большинства к цветным меньшинствам является правильной, но данный конкретный представитель белого большинства их не разделяет. **Шестой стереотип** призван способствовать насаждению в обществе меритократических взглядов и представлений. В реальной практике межрасового социального общения декларация в устах представителя белого большинства о том, что «любой человек с высокой квалификацией должен непременно иметь работу», подразумевает получение представителями цветных меньшинств от государства или негосударственных структур «неоправданно» высоких благ исключительно благодаря цвету их кожи. Аналогичную направленность имеют и высказывания в духе того, что «каждый может преуспеть в американском обществе, если будет упорно трудиться»; отнесенное к представителям цветных меньшинств, оно означает, что они являются «ленивыми и/или некомпетентными, и для жизненного успеха им надо более упорно трудиться» [Sue, p. 276]. В основе **седьмого стереотипа** лежат представления о том, что формы межличностного общения цветных меньшинств носят «патологический характер». Тем самым утверждается, что ценности и формы межличностного общения белого большинства являются недостижимым идеалом для цветных меньшинств [Sue, p. 276]. **Восьмой стереотип** проистекает из поведенческих характеристик белого большинства и цветных меньшинств, когда последним дают ясно понять, что они являются «гражданами второго сорта», — например, при найме на работу, предоставлении медицинских услуг, обслуживании в магазинах, ресторанах и других заведениях подобного рода. И наконец, в рамках **девятого стереотипа** формы организации общественной жизни в американском обществе также могут иметь микроагрессивную направленность, — скажем, преднамеренная переполненность классов в средних школах, расположенных в районах проживания цветных меньшинств, или большое количество питейных заведений и магазинов, в которых продаются спиртные напитки, что призвано подчеркнуть «девиантный» характер расово-этнических меньшинств [Sue, p. 277].

Обширный перечень признаков и характеристик микроагрессий, в совокупности формирующих содержание понятия «системный расизм», важен с точки зрения общей характеристики современного американского социума. Исследователи феномена микроагрессии в общем согласны в том, что по своей природе США являются «расистским обществом», а сам феномен «имеет своим источником несправедливое, расово-стратифицированное общество и наиболее действенен именно в нем» [Syed, p. 926]. Жизнь и деятельность в расистском обществе **объективно** ставят как физических, так и юридических лиц, а также государственные органы в ситуацию, предполагающую «социальное ориентирование» по трем базовым позициям. *Первая позиция* может быть оха-

рактирована как принятие ценностей расового общества и построение основанной на них модели активного поведения. *Вторая позиция* диаметрально противоположна первой и основана на активном неприятии ценностей расистского общества; соответствующим образом строится и модель поведения. Наконец, *третья позиция* сводится к молчаливому игнорированию факта жизнедеятельности в расистском обществе, к его трактовке как формы индивидуального поведения, а не как системного признака самого социума. В целом третья позиция может быть охарактеризована как *пассивный расизм* [Syed, p. 927].

Системный расизм с вышеперечисленными девятью признаками однозначно формирует в социуме систему расово-этнической стратификации, в явной форме построенной по признакам *высших* и *низших* рас. Можно при этом отметить тот факт, что политическая система США на федеральном уровне в достаточно отчетливой форме отражает и выражает принцип господства белого большинства в американском обществе. Так, в Конгрессе 117-го созыва, который приступил к работе в январе 2021 г., общая доля белых как в Палате представителей, так и в Сенате США составляет 77%, что на 20% больше их доли в общей численности американского населения [Schaeffer]. Что касается института президентской власти, то на протяжении всей американской истории доля белых в президентском корпусе составляет 98%. Формируемая на принципах высших и низших рас, внешняя политика США не может в прямой или косвенной форме не следовать постулатам, коренящимся в культуре микроагрессии, получающей все большее распространение в американском социуме.

Микроагрессивные истоки внешней политики США

Сухие справочные данные Исследовательской службы Конгресса (ИСК) США об использовании вооруженных сил США за их пределами, начиная с 1798 г. и вплоть до февраля 2022 г., рисуют следующую картину. После провального завершения войны в Юго-Восточной Азии в 1975 г. и вплоть до мая 1989 г. (момента высадки американских морских пехотинцев в Панаме для последующего свержения президента Панамы генерала М. Норьегги) США считанное количество раз использовали свои воинские контингенты в военных конфликтах в других странах; их перечень уместился на двух страницах доклада-справки ИСК. А вот начиная с войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. и вплоть до настоящего времени США ежегодно и даже по несколько раз в году вводили свои воинские контингенты на территории других стран по всему миру: на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской и Центральной Америке, в Азии, в Африке и в Европе. При этом список использования американских вооруженных сил, большая часть которых представляла классическую форму внешнеполитических микроагрессий, занял 36 страниц! В качестве примера можно привести ввод американского контингента на территорию Танзании в 2018 г.; он находился там с мая по июль, принимая участие в военных играх и операциях танзанийских вооруженных сил по борьбе с браконьерством (незаконной охотой на представителей животного мира этой страны) [Instances of Use of United States...].

«Внешнеполитическая обкатка» технологий и приемов микроагрессии начинается уже внутри самих США. В последние годы как американские, так и канадские социологи и психологи собрали обширный материал о расовой микроагрессии в студенческих городках США, Канады и Великобритании, особенно по отношению к студентам из азиатских стран. При этом установлено, что «азиатские студенты, проходящие обучение в университетах США и Великобритании, становятся объектами микроагрессии особенно часто» [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 377]. Аналогичным образом обстоит дело и в родственных им университетах Канады, к обучению в которых особенно склонны студенты из Азии; канадские университеты с большим числом студентов из Азии нередко именуются в этой стране как «азиатские университеты».

В ходе проведенного американско-канадскими психологами исследования о расовой микроагрессии против азиатских студентов (главным образом китайских, южнокорейских, индийских и пакистанских) в ведущих канадских университетах выяснилось, что практически все опрошенные студенты подвергались со стороны канадских студентов и университетских преподавателей шести основным ее формам. Наиболее распространенной формой микроагрессии было формирование вокруг них атмосферы «отчужденности и изолированности» на территории студенческих городков. Второй, также достаточно распространенной формой было пародирование и насмешка над плохим произношением и недостаточным знанием английского языка, что в конечном итоге преследовало цель подчеркнуть расово-этническую ущербность азиатских студентов. Третья форма получила название «считать невидимым»: особенно часто она практиковалась со стороны преподавательского состава университетов во время учебного процесса, когда азиатские студенты не получали оценок (в широком смысле этого слова) своих успеваемости и знаний. Четвертая форма микроагрессии касалась отношения профессорско-преподавательского состава университетов к азиатским студентам как носителям другой культуры и других цивилизационных особенностей. Фактически они были причислены к категории безликих, «не помнящих своего родства», что, естественно, в психологическом плане сказывалось на них, — притом что студенты из азиатских стран со всех точек зрения могли считать себя представителями значительно более древних, нежели североамериканская, культур и цивилизаций. Пятая форма микроагрессий оказалась одной из наиболее болезненных, ибо как преподаватели, так и канадские студенты относились к выходцам из Азии не с точки зрения их учебных успехов и других атрибутов интеллектуального развития, а на основе расовых предубеждений и стереотипов белых по отношению к цветным народам и национальностям, в русле дихотомии «высших» и «низших». Наконец, шестой формой микроагрессии явились «классические» виды ограничений и запретов, которые распространились на сферу получения канадских виз и недостаточное финансирование программ обучения азиатских студентов [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 380]. В этой связи один индийский студент прямо указал на то, что в канадских академических кругах широко распространено убеждение, согласно которому «на учебу приезжают только студенты из богатых семей, которых принимают исключительно по соображениям пополнения университетских бюджетов, и потому их успехи в учебном процессе не являются столь важными» [Houshmand, Spanierman, Tafarodi, p. 382].

Этот перечень микроагрессий легко может быть наложен на базовые принципы, которыми США руководствуются в отношении стран-изгоев, к числу которых «коллективный Запад» во главе с США после 24 февраля 2022 г. постарался причислить и Россию.

Примерно такие же результаты были получены на основе изучения форм микроагрессии по отношению к китайским студентам в США, проведенное в 2017 г. Исследование охватило выборку из 340 студентов, которые обучались в различных американских университетах в течение нескольких лет по самым разнообразным специальностям — от естественно-научных до гуманитарных. Отметим, что в 2017 г. в американских университетах обучались 351 тыс. китайских студентов [Pei, p.1,2], которые принесли американской экономике почти 13 млрд долл.

Перечень наиболее распространенных видов микроагрессии по отношению к китайским студентам насчитывал 12 позиций. На первом месте значилось восприятие китайских студентов как «хороших математиков». Микроагрессивная направленность этого стереотипа сводилась к тому, что китайцы воспринимались американскими студентами и преподавателями исключительно как «способные только к счетоводству» — иных достоинств и сильных сторон они не имели. Вторую строчку занимал стереотип, согласно которому в китайских СМИ встречается очень мало фотографий и видеороликов «китайских моделей»; тем самым китайцам давали понять, что они являются «некрасивой» нацией. Третий стереотип был напрямую связан со вторым: американцы считали всех китайцев «похожими на одно лицо». Тем самым китайцы воспринимались в качестве обезличенной массы «второсортных людей». Китайские студенты сталкивались с большими трудностями при нахождении побочных заработков во время учебы; дискриминация по признаку цвета кожи — четвертый вид микроагрессии. Пятая, одна из наиболее распространенных форм микроагрессии, проявляла себя в постоянном подчеркивании неамериканского происхождения китайских студентов, что почти автоматически причисляло их к категории плохо успевающих, независимо от результатов в изучении преподаваемых дисциплин, приобретение прочных знаний по которым никак не связано с орфоэпией английского языка. Шестая форма микроагрессии отражала восприятие профессорско-преподавательским составом китайских студентов в качестве аморфной массы, лишенной индивидуальных признаков. В ходе учебного процесса это выражалось в том, что преподаватели не утруждали себя различением китайских студентов, постоянно путая их имена и выбирая в качестве объекта обращения «одного-единственного» студента. К этой форме микроагрессии примыкали две другие — стремление изолировать китайских студентов от их американских сокурсников, а также исключить их из реализации групповых учебных проектов. Таким образом, американские и китайские студенты по умолчанию делились на учащихся «высшей» и «низшей» категорий. В итоге девятая форма микроагрессии сводилась к тому, что китайским студентам в явной или завуалированной форме давали понять, что для них единственный способ проявить себя как в учебном процессе, так и в общественной жизни, особенно в случае получения работы в США, — это «просто больше и интенсивнее работать». Естественно, при этом подразумевалось, что уровень знаний и квалификации не имеют большого значения,

поскольку у китайских студентов по определению «низкий социальный статус» (десятая форма микроагрессии). Наконец, китайские студенты постоянно сталкивались с пренебрежительным обслуживанием и отношением к себе в ресторанах, магазинах, других заведениях сферы услуг. При этом большую часть других микроагрессий сопровождала «фоновая микроагрессия», когда китайским студентам давали ясно понять, что они незаслуженно получают жизненные блага, на значительную часть которых не имеют права [Pei, p. 65].

Итоговым результатом этой «микроагрессивной бомбардировки» китайских студентов в американских университетах является их постоянный стресс на всем протяжении учебного процесса, проистекавший из того, что они просто «являлись китайцами в чужой стране» [Pei, p. 82]. При этом американский цивилизационный парадокс состоял в том, что две трети китайских студентов, принявших участие в проведенном социологическом исследовании, выражали удовлетворение, что им «посчастливилось» обучаться в американских университетах, и они намеревались рекомендовать своим сверстникам туда поступать. В этом плане можно сделать принципиальный вывод, что «пряник» приобщения к ценностям и культуре американской цивилизации неотделим от «кнута» микроагрессивного внушения подрастающему поколению иностранных граждан представления о том, что современный миропорядок основан на разделении на «избранные» страны, к коим прежде всего относятся США, и «второсортные», к числу которых принадлежит их собственная страна (в данном случае Китай).

Кстати, коронавирусная пандемия в 2020–2021 гг. резко усилила микроагрессивную среду пребывания китайских студентов в США, поскольку практически все американцы были склонны рассматривать их как потенциальных носителей смертельного вируса Ковид-19. При этом микроагрессия нередко перерастала в формы прямого физического насилия, объектами которого становились даже дети китайских граждан, обучающиеся в США [Choi, p. 234]. По всей видимости, коронавирусная пандемия явилась важнейшим фактором, способствовавшим резкому обострению международной напряженности, которая поставила мир на грань масштабных военных столкновений между основными центрами мировой политики: «коллективным Западом», с одной стороны, и Россией, Китаем и Ираном — с другой.

Микроагрессия во внешнеполитических ведомствах США

Проблема целенаправленного использования приемов и технологий микроагрессии во внешней политике США, особенно применительно к России, кроется не столько в доктринальных установках и программных документах внешнеполитических ведомств, в частности Государственного департамента США, сколько в кадровом составе этих ведомств, знакомом с особенностями микроагрессивной среды. С приходом к власти в США в январе 2021 г. демократической администрации Дж. Байдена, вставшей на путь систематического «исключения системного расизма» в министерствах и ведомствах федерального правительства, стало очевидным, что таковой не просто присущ деятельности внешнеполитических ведомств США, но и достаточно глубоко укоренился

в них и даже является стандартной практикой формирования кадрового состава ключевых ведомств, в том числе Государственного департамента США.

Сфера американской внешней политики традиционно была закрыта для представителей расово-этнических меньшинств. Им было отказано как в работе во внешнеполитических ведомствах, так и в служебном продвижении в иерархии дипломатических рангов и иных званий — по соображениям обеспечения безопасности. Как указывает американский дипломат Ч. Морилл (в настоящее время — один из руководителей кадровой службы Государственного департамента США), «только в 1960-х годах женщинам и представителям меньшинств были предоставлены реальные возможности служить своей стране в Государственном департаменте и других внешнеполитических ведомствах. Однако и спустя полвека после прекращения явно дискриминационной практики кадровой политики слишком многие сотрудники сообщают, что они все еще ощущают атмосферу неприятия и отсутствия чувства сопричастности со стороны коллектива внешнеполитических ведомств» [Morrill].

Микроагрессия в отношении представителей расово-этнических меньшинств, работающих в системе внешнеполитических ведомств США, в конечном итоге используется для формирования «культуры отмены», основанной на принципах радикального отрицания господствующей в них «европоцентричной культуры, гетеросексуальности или гендерной идентичности на рабочем месте, что является нормой работы внешнеполитических ведомств, а все остальное — отклонение от нее» [Morrill]. В переводе на обычный язык это означает, что внешнеполитические ведомства США функционируют по принципу «высших и низших рас», превосходства белой (читай: англосаксонской) расы, что самым очевидным образом проецируется и на повседневную внешнеполитическую практику Государственного департамента по отношению к другим странам. Вместе с тем «культура микроагрессий» постепенно превращается в стандартную форму дипломатического протокола и этикета США, тонко и умело внедряемую в форме официально декларируемой роли США как мирового лидера, несущего «бремя» особой цивилизационной миссии в современном мире.

В этой связи можно указать на фактор прогрессирующих кадровых изменений во внешнеполитических ведомствах США, предопределяющих их растущую «цветнизацію», что является достаточно амбивалентным процессом. На многие руководящие должности в системе внешнеполитической службы США выдвигаются представители расово-этнических меньшинств, такие, например, как Л.Томас-Гринфилд, которая с февраля 2021 г. является постоянным представителем США в ООН. Между тем с приходом к власти администрации Д. Трампа в январе 2017 г. она была уволена из Государственного департамента вследствие политики негласной «расово-этнической чистки» этого ведомства. Причиной для увольнения послужили ее предложения по резкому увеличению числа афроамериканцев на руководящих должностях в американском внешнеполитическом ведомстве, которые она активно продвигала еще в годы администрации Б. Обамы — Дж. Байдена в 2009–2017 гг. [Thomas-Greenfield, Burns].

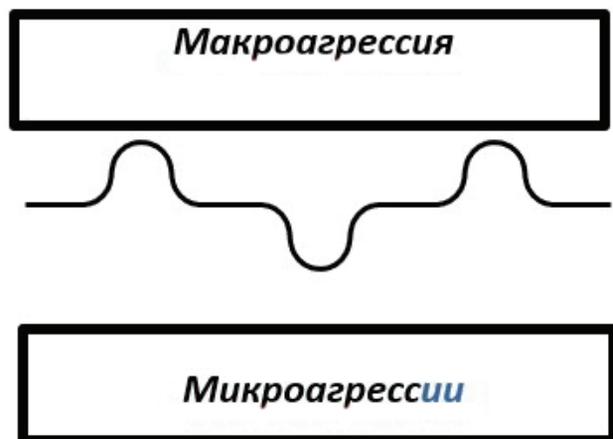
Поскольку представители расово-этнических меньшинств сами являлись объектом «кадровых микроагрессий» по причине возможных обвинений в «непатриотизме» в своей деятельности на внешнеполитическом поприще, то не исключено, что, заняв руководящие внешнеполитические должности, они будут «профессионально» использовать стратегию и тактику микроагрессии во внешней политике США, пытаясь доказать, что расово-этнические меньшинства могут «более эффективно» отстаивать и защищать интересы США на международной арене.

Показательно мнение бывшего высокопоставленного американского дипломата М. Маккинли, считающего, что настало время снять табу с проблемы расы и начать ее активное обсуждение в Государственном департаменте [McKinley]. Не приходится сомневаться, что расово-этническая составляющая американской внешней политики из внутреннего регламента Государственного департамента во все большей степени будет распространяться и на конкретные сферы его деятельности, будь то взаимоотношения с Россией, Китаем или Ираном.

Русофобия — двухуровневая модель макро- и микроагрессивных отношений между США и Россией

Практически полный разрыв российско-американских отношений после начала 24 февраля 2022 г. российской спецоперации на Украине вынуждает по-новому взглянуть на перспективу этих взаимоотношений в более широком историческом контексте. Распространенная точка зрения базируется на том, что вся история взаимоотношений двух стран, по крайней мере с момента установления дипломатических отношений между США и СССР в 1934 г., представляет собой смену достаточно длинных волн конфронтации и сравнительно коротких периодов разрядки напряженности. При этом разрядка напряженности и даже союзнические отношения, как это имело место в годы Второй мировой войны в 1941–1945 гг. или в период сотрудничества в первом десятилетии XXI в. во время борьбы с «глобальным терроризмом», по своему качественному содержанию отличаются от периодов соперничества и конфронтации, подобных холодной войне 1946–1991 гг.

Серьезные сдвиги культурологического и ценностного планов, происходящие в американском обществе в настоящее время, формирование культуры микроагрессии, обусловленной в том числе прогрессирующей «цветнизацией» современной Америки, по всей видимости, являются факторами становления новой парадигмы российско-американских отношений. Эти отношения будут характеризоваться сменой волн макроагрессии и микроагрессии. Таким образом, агрессивность взаимоотношений между Россией и США становится некоей общей модальностью, которая колеблется между полюсом макроагрессии и полюсом микроагрессии. Эта новая парадигма российско-американских отношений отражена на схеме.

Макро- и микроагрессивные нормы-рамки российско-американских отношений в XXI в.

Американские теоретики прямо указали в 2014 г., что резкое ухудшение российско-американских отношений при демократической администрации Б. Обамы после известных событий на Украине и воссоединения Крыма с Россией объясняется прежде всего фундаментальными изменениями, которые с конца XX в. претерпели взаимоотношения государственных и общественных структур обеих стран. А применительно к сфере внешней политики — изменения сделали ее более восприимчивой к социокультурным и идеологическим сдвигам, происходящим внутри обществ. Как подчеркнул в своем эссе американский политолог Ч. Зиглер, если на протяжении большей части XIX и XX вв. отношения между Россией и США определялись преимущественно расчетами, обусловленными балансом сил, стремлением обеспечить национальную безопасность, а также стимулировать развитие торгово-экономических связей, то с конца XX в. на первый план выходят факторы идеологии, социальных норм и культуры, которые в совокупности делают невозможным повторение считавшихся некогда прочно устоявшимися форм и моделей российско-американских отношений, характерных для прежних исторических эпох [Ziegler, p. 688-689].

Литература

- Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Том 1. М. 1989.
- Braveman P. et.al. Systemic and Structural Racism: Definitions, Examples, Health Damages, and Approaches to Dismantling // Health Affairs. 2022. № 2. Pp. 171-178.
- Brown A. 'Microaggression' top word of 2015 // Minnesota Brown. 27.12.2015. — URL: minnesotabrown.com/2015/12/microaggression-top-word-2015.html (date of access: 15.07.2022).
- Choi Sh. "People look at me like I AM the virus": Fear, stigma, and discrimination during the COVID-19 pandemic // Qualitative Social Work. 2021. № 1-2. Pp. 233-239.
- The Civil Rights Act of 1964: An Overview. R46534 // Congressional Research Service. 21.09.2020. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R46534 (date of access: 15.07.2022).
- Dobbs Th. E. State Health Officer of the Mississippi Department of Health, et al., Petitioners Supreme Court of the United States v. Jackson Women's Health Organization, et al // Supreme Court

- of the United States. No. 19-1392. 24.06.2022. — URL: supremecourt.gov/docket/docketfiles/html/public/19-1392.html (date of access: 15.07.2022).
- Fact Sheet: The Biden-Harris Administration Advances Equity and Opportunity for Black Americans and Communities Across the Country // The White House. 19.06.2022. — URL: whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/19/fact-sheet-the-biden-harris-administration-advances-equity-and-opportunity-for-black-americans-and-communities-across-the-country/ (date of access: 15.07.2022).
- Faye C. American social psychology: Examining the contours of the 1970s crisis // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Science. June 2012. Pp. 514-521.
- Hobbs and Microaggressions // Digressions&Impressions. 30.05.2017. — URL: digressionsnimpresions.typepad.com/digressionsimpressions/2017/05/hobbes-and-microaggression.html (date of access: 15.07.2022).
- Houshmand S., Spanierman L., Tafarodi A. Excluded and Avoided: Racial Microaggressions Targeting Asian International Students in Canada // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2014. № 3. Pp. 377-388.
- Humes K.R., Jones N.A., Ramirez R.R. Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. Report № C2010BR-02 // U.S. Census Bureau. 01.03.2011. — URL: census.gov/library/publications/2011/dec/c2010br-02.html (date of access: 15.07.2022).
- Instances of Use of United States Armed Forces Abroad, 1798-2022 (R42738) // Congressional Research Service. 08.03.2022. — URL: crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R42738 (date of access: 15.07.2022).
- Lilienfeld S. Microaggressions: Strong Claims, Inadequate Evidence // Perspectives on Psychological Science. 2017. №1. Pp. 138-169.
- McKinley M. Changing Mindsets on Race at State // The Foreign Service Journal. July/August, 2020. — URL: afsa.org/changing-mindsets-race-state (date of access: 15.07.2022).
- Morrill Ch. What does exclusion look like? An FSO explores the concept of microaggressions—and suggests how shining a light on them can help foster a culture of inclusion. Rooting Out Microaggressions // The Foreign Service Journal. July/August, 2021. — URL: afsa.org/rooting-out-microaggressions (date of access: 15.07.2022).
- National Population by Characteristics: 2020-2021. Components of Change. Estimates of the Components of Resident Population Change by Race and Hispanic Origin for the United States: April 1, 2020 to July 1, 2021 (NC-EST2021-COMP) // U.S. Census Bureau. — URL: census.gov/data/tables/time-series/demo/popest/2020s-national-detail.html (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).
- National Population by Characteristics: 2020-2021. Datasets. Annual Estimates of the Resident Population by Single Year of Age and Sex for the United States: April 1, 2020 to July 1, 2021 (NC-EST2021-AGESEX-RES) // U.S. Census Bureau. — URL: census.gov/data/tables/time-series/demo/popest/2020s-national-detail.html (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).
- Pei S. An investigation of microaggression frequency and stress among Chinese international university students and the impacts. A dissertation submitted to the graduate faculty in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. Iowa State University. Ames, Iowa. 2018.

- Pierce C. M.* Psychiatric problems of the Black minority. In Arieti S. (Ed.). American handbook of psychiatry. N.Y. 1974. Pp. 512-523.
- Pierce Ch.* Offensive Mechanisms. In Barhour F. (ed.). Black Seventies. Boston. 1970. Pp. 265-282.
- Population by Race and Hispanic or Latino Origin for the United States: 1990 and 2000. Report № PHC-T-1. Table 4. Difference in Population by Race and Hispanic or Latino Origin, for the United States: 1990 to 2000 // U.S. Census Bureau. 02.04.2001. — URL: [census.gov/data/tables/2000/dec/phc-t-01.html](https://www.census.gov/data/tables/2000/dec/phc-t-01.html) (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).
- Schaeffer K.* Racial, ethnic diversity increases yet again with the 117th Congress // Pew Research Center. 28.01.2021. — URL: [pewresearch.org/fact-tank/2021/01/28/racial-ethnic-diversity-increases-yet-again-with-the-117th-congress/](https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/28/racial-ethnic-diversity-increases-yet-again-with-the-117th-congress/) (date of access: 15.07.2022).
- Sue D. et.al.* Racial Microaggressions in Everyday Life. Implications for Clinical Practice // American Psychologist. May-June, 2007. Pp. 271-286.
- Syed M.* The Logic of Microaggressions Assumes a Racist Society // Perspectives on Psychological Science. September 2021. № 5. Pp. 926-931.
- Thomas-Greenfield L., Burns W.* The Transformation of Diplomacy. How to Save the State Department // Foreign Affairs. November/December, 2020. — URL: [foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-23/diplomacy-transformation](https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-09-23/diplomacy-transformation) (date of access: 15.07.2022).
- Vespa J., Armstrong D.M., Medina L.* Demographic Turning Points for the United States: Population Projections for 2020 to 2060. Report № P25-1144 // U.S. Census Bureau. February 2020. — URL: [clck.ru/sTafx](https://www.census.gov/data/tables/2020/p25-1144.html) (date of access: 15.07.2022. Access from Russia denied).
- The Voting Rights Act of 1965: Background and Overview. R43626 // Congressional Research Service. 20.07.2015. — URL: [crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R43626](https://www.crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R43626) (date of access: 15.07.2022).
- Williams M.* Microaggressions: Clarification, Evidence, and Impact // Perspectives on Psychological Science. 2020. № 1. Pp. 3-26.
- Ziegler Ch.* Russian–American relations: From Tsarism to Putin // International Politics. November 2014. Pp. 671-692.